

С видом на озеро

Прогулка в одну сторону

12+

Юрий Енцов

Юрий Петрович Енцов

С видом на озеро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28066852

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2324-3

Аннотация

Для главного героя этой повести время повернуло вспять. Он, благодаря достижениям науки уже не столь далекого для нас будущего, перенесся из середины XXI -го века в век XX-й, во времена своей юности. Это произошло почти случайно. Но ему не удалось предотвратить совершенные прежде ошибки, а вместо этого он стал делать все новые и новые ошибки. Просто этот мир, открыл для него свои новые, неизвестные ему раньше стороны и грани.

Содержание

Глава 1. Я	4
Глава 2. Она	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Я

Легкомысленное бытие эстрадного танцора. Кружение в вальсе с ладонью на талии партнерши, в другой руке – ее подрагивающие пальчики. Томное танго, фокстрот, дерзкие испанские, страстные итальянские, чечетка и лихие антраша. Гастрольные путешествия в веселом автобусе, долгие репетиции и аплодисменты, аплодисменты, аплодисменты. А еще знакомство с дамами в бриллиантах и соблазнение девушек из кордебалета... Все это я переживал во сне. Потом в реальном мире пришлось учиться просто ходить – медленно переставляя две клюки.

Обычно люди в моем возрасте отправляются прямо из мира электронных фантазий в загробный. Но отчего-то, может быть, оттого, что вся моя жизнь прошла, словно в полусне, мой организм оказался не столь восприимчив к пагубному влиянию виртуальных сновидений. И в результате он дождался клонирования. Я что-то подписал, подрагивающей, слабой, покрытой пятнами старческой пигментации рукой, и опять погрузился в лекарственную дрему, пропитанную видениями.

В моих новых снах я сначала прожил несколько динамичных, захватывающих месяцев из жизни ученика в китайском монастыре, изучающего восточные единоборства и выступа-

ющего на татами. Тренировки на берегу озера, длительные пробежки по горам, сквозь заросли бамбука. Причем один виртуальный месяц повторился дважды в виде длинного де жа вю, скорее всего, по небрежности отвечающего за мои сновидения дежурного. События сна проходили в моем мозгу со скоростью, на порядок большей, чем в обычной жизни, в этом случае тело просто не успевало реагировать на транслируемые в мозг реалистичные ощущения, картины, запахи и звуки. Только боли в этих странных снах не было. Почти как жизнь, но без боли, что может быть лучше!

Когда мой китайчонок Ли засыпал, я тоже спал во сне, но видел урывками уже не китайские, а свои собственные тревожные сны... Потом, напоследок, меня послали в виртуальную экскурсию, на одну их лунных колоний. Я узнал массу интересного. Впрочем, как я уже признался, это был не первый мой опыт такого рода – с помощью сервиса «Dream world», в обмен на пенсию, я, как мог, старался разнообразить закат своей жизни.

И вот, после девяноста семи лет мне, наконец, подфартило наяву, а не во сне. В реальности, пошла удачная полоса: я более или менее разбогател, устроившись работать на фабрику клонов. Но для этого пришлось пройти операцию. Меня, пока я спал, и бегал среди бамбука, омолодили до четырнадцатилетнего возраста. Понимаю, что звучит глупо, а еще глупее выглядит: «Почему не до пятилетнего?» – чего не сделаешь ради куска синтетического хлеба. Пока я смотрел

увлекательные сны, мне пересадили все, что только можно: руки, ноги, кожу на лице, зубы, скальп, все внутренние органы. И, что самое главное, гипофиз. На все это ушло два моих клона. От меня прежнего остался только старый-престарый мозг в черепной коробке, да туловище с грудной клеткой без сердца.

Теоретически можно было бы просто пересадить мозг в новое тело, но до этого наука еще не дошла. В 2050-х день и ночь проводятся опыты в этом направлении, но пока безуспешно. Зато пересаживание отдельных органов и частей тела у нас отработано и поставлено на поток. Однако такого, чтобы пересадили вообще все, еще не было. Я стал «экспериментальной моделью». Операция продолжалась неделю, еще неделю – реабилитация, все это время я видел реалистичные сны...

И пробуждение не показалось мне подлинным. Я догадывался о, наконец-таки наступившем, действительном бодрствовании по тому, что мне пришлось принимать решения – простые и сложные. Да, все окружающее – не мираж. Впрочем, может быть, иллюзия сделалась более сложной?

И вообще, почему выбрали меня? Ведь я не артист, не красавец, самый обыкновенный человек. Неужели в действительности мало кто не только из моих ровесников, но и из тех, кто лет на десять-двадцать моложе, соглашается работать?

Фабрика сделала всего три моих клона, но третий, запас-

ной остался неиспользованным. Сначала его хотели пустить на переработку, однако моя четвертая группа крови с отрицательным резусом мало кому подходила. Потом надумали применить его для рекламы, но отдел маркетинга провел исследование, и выяснилось, что клиентов это не привлечет. Я начал в одиночку встречать желающих омолодиться в вестибюле, и на вопрос удивленных людей: «Почему тут работает мальчик?» – они получали пояснение, что мальчику «в обед сто лет». На стене поместили старомодное черно-белое фото меня девяностолетнего, чтобы клиенты могли сравнить то, что было, с тем, что стало.

Мне вменили в обязанность носить на работе фрак и целовать дамам ручки. Молодые хозяева-китайцы не очень-то разбираются в европейской истории, по их мнению, во времена моей юности, в семидесятых годах XX века, люди подобным образом одевались и соответствующе себя вели. Я заикнулся было пояснить, что это не совсем так, но меня никто не собирался слушать. Пришлось целовать и целовать дамам ручки. Ну что ж, не самое обременительное занятие, даже если дам привозят в инвалидных колясках, хорошо хоть мои работодатели не заставляли меня делать реверанс.

А неиспользованный клон мне пришлось забрать к себе домой. Работодателю это показалось дешевле, чем хранить его или утилизировать. Я жил один, в служебной квартире, с двумя арендованными роботами, или, правильнее, сказать киборгами. Управление у них осуществляется при помощи

электронного мозга, но кости, мышцы и кожа представляют собой биоинженерный продукт, созданный с помощью скрещивания животных и растительных компонентов. Выглядят они совсем как люди, но питание осуществляется скорее по растительному принципу: раз в неделю им нужно выпить стакан воды со специальными солями. Это мои повар и горничная, Паша и Даша. Повар для экономии был сделан в половину – только верхняя часть, зато горничная выполнена в виде прекрасной длинноногой красотки, которой в пору участвовать в конкурсах мисс-что-нибудь. В качестве образца для нее я выбрал облик одной британской актрисы, которая прославилась в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого XX века. Когда я привез к ним моего клона, ей прибавилось работы: кормить его, поить, менять памперсы. У него при облике четырнадцатилетнего тинейджера оказался интеллект новорожденного младенца. Большая часть моей зарплаты уходила на оплату аренды этой прислуги.

На работе я быстро научился встречать гостей, говорил заученный текст, иногда приходилось импровизировать, что впрочем, не очень поощрялось. В процессе омоложения меня снабдили электронным переводчиком, вмонтированным в мозг. С ним я научился понимать и говорить на всех основных европейских языках и некоторых азиатских, например, на арабском, японском и китайском.

При всем при том, моего первоначального энтузиазма

хватило на полгода. Потом все приелось, как уже бывало не раз и не два в моей жизни. Я стал выполнять свою работу все более и более механически. Я пробовал для разнообразия вникнуть в суть деятельности фабрики, понять специфику, но на ней трудились медики и инженеры, со всей страстью преданные делу своей жизни и относящиеся свысока к непрофессионалам. Хозяева бизнеса являлись еще более закрытой кастой. Однако эти мои «телодвижения» были восприняты настороженно. Отношение ко мне немного изменилось.

Мне было все равно. Ну, выгонят меня, ну, допустим, усыпят как подопытного кролика! Я уже пожил немало, пора и честь знать.

После двенадцати-четырнадцатичасовой смены я отправлялся домой. Фирма располагалась в дальнем пригороде мегаполиса, и здания здесь всего лишь пятидесятиэтажные, в то время как деловой центр состоял из стапятидесяти-этажных домов. Обстановка у меня была самая обыкновенная, я ее не выбирал, от себя я повесил только репродукцию, напоминавшую мне картину, запомнившуюся с юности: горы, водная гладь, замок. Я приходил, болтал с моими роботами, ужинал, спал без сновидений, и утром снова приступал к обязанностям юного мальчика-привратника.

Примерно через год, 25 мая 2058 года случилось непредвиденное событие – странная встреча. Я узнал в одном из посетителей, желающих омолодиться, друга моей юности Диму

Кончеева – определил его по данным в электронном формуляре, внешне он оказался неузнаваем. Он был словно древнее высохшее дерево с трясущимися ветками, совсем как я недавно – весь в старческих пятнах и перхоти.

– Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич, – сказал я с заколотившимся сердцем, и назвал себя. – А ведь мы когда-то с вами были знакомы.

Он сначала долго не понимал, кто я, а потом, сообразив, что к чему, слабо улыбнулся:

– Вы его сын, внук? А, может быть, правнук?

– Дима, это я! Собственной персоной, – уверил я.

Его желание пройти процедуру омоложения только укрепилось. Мы договорились встретиться, когда он снова станет похож на человека. Точнее, я ему предложил сделать это, но в тот момент не был уверен, что он понял меня.

Впервые я его увидел осенью одна тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года, в кафе студенческого университетского общежития, и, помнится, подумал: «Д-а-с!». Ну и бандит. По крайней мере, хулиган. А увидел я высоченного парня со сосредоточенным лицом, стремительно шагавшего куда-то на длинных своих ногах, широкими шагами. Однажды где-то как-то мы с ним познакомились. Момент знакомства я не запомнил. Но вскоре мы уже вышагивали вместе по осенним улицам и разговаривали. Он шагал, а я семенил рядом. Оказалось, что он не так уж безумно высок, просто очень строен. Ну, всего-то на голову меня выше. Пигме-

ем рядом с ним я себя тогда не чувствовал, а зря.

Мы уже были тогда не дети, особенно я. Мне было двадцать четыре года. Он, двадцатилетний, почитал меня за человека взрослого и умудренного. На самом деле ему просто нравилось отражаться в моей «патине». В этом желтоватом стекле с добавлением ядовитого свинца. В этих пятнах, разводах и трещинках. В этой потускневшей амальгаме, через которую просвечивало все, что далее...

И вот ему придали облик того самого двадцатилетнего молодого человека, с коим я когда-то познакомился. Через месяц я приехал к нему. Он сделал вид, что обрадовался мне, но потом долго изучал сетевые архивы, чтобы удостовериться, что я – это я и мы действительно знакомы. Мы долго разговаривали, вспоминали – все-таки не виделись уже лет сорок, никак не меньше. Сначала он не рассказывал о том, чем занимается, лишь отшучивался. А мне было не до шуток. Я признался ему:

– Чувствую себя не в своей тарелке в этом «дивном новом мире», и рад бы сбежать куда угодно, хоть на Луну, хоть в космическую пустоту, но не могу этого сделать, поскольку принадлежу фабрике с потрохами. Моя суетливость вернулась вместе с молодостью, я, кажется, опять сделал что-то не так...

Да, я никогда не задерживался на одном месте надолго. Но одно дело, когда тебе двадцать-тридцать лет, другое, если тебе скоро девяносто восемь и ты не принадлежишь себе. На

это он сказал мне со смешком, тоном заговорщика:

– Я могу тебя отправить туда, где они тебя не достанут.

– Они могущественны, – возразил я. – Ты себе не представляешь как.

– Представляю, – возразил он, махнув рукой. – Представляю и очень могущественных и сверхмогущественных. Ведь на Земле живет шестьдесят миллиардов людей. И на Луне уже несколько миллионов. Так что хватает среди них и очень, и очень-очень, и страшно могущественных. Но, тем не менее, есть еще больше мест, откуда тебя никто не достанет. Другое дело, что пока оттуда не возвращаются.

Я замолчал заинтригованный, и при этом сомневающийся, поскольку место, откуда ни один не возвращался, в моем представлении было только одно, как сто, двести, так и тысячу лет назад. Немного потомив меня, он склонился над столиком со стеклянной столешницей, подышал и написал пальцем по затуманившейся поверхности: «Прошное».

Его кабинет был наполнен архаичными вещами из нашей молодости: большой письменный стол, шкаф, изящный журнальный столик, за которым мы разместились в креслах.

Наш следующий диалог проходил уже больше знаками и гримасами, чем словами, я понял, что он опасается прослушивания.

– Это возможно? – спросил я с большим сомнением.

– Только в один конец, – объяснил он. – Туда.

– Давно? – спросил я.

– Я в этом бизнесе уже несколько лет, – сказал он с важным видом. – Техника совершенствуется.

– Кто это придумал? – спросил я, и он показал наверх, но, как я догадался, это означало не Бог.

– Соседи, – прошептал он.

«Какие-такие соседи? Братья по разуму с далеких планет?» – подумал я. Люди моего поколения привыкли относиться ко всему такому скептически.

– Даже если ты шутишь, я скорее согласен, – произнес я, особенно не раздумывая. Ведь из нас двоих больше думал он, и так было всегда.

Он не только думал. Он задавал мне серьезные вопросы. Как будто можно ожидать ответа от верстового столба или от камня на пути? Вообще-то можно. Вот и в сказках про то же говорится: направо пойдешь, налево пойдешь... Что-то он понял, встретив меня, куда-то повернул, но этого я уже не видел. Ведь камням не положено оглядываться. У них и шеи нет. Их доля – тихо и грустно зарастать мхом. По крайней мере, до тех пор, пока одинокий путник не совершит полного оборота на своем пути и не вернется на прежнее место, с удивлением произнеся: я где-то уже видел точно такой же валун.

«Мы нужны друг другу, – подумал я тогда, подумал и теперь. – Ты мне симпатичен, а я тебе просто полезен. Со мной тебе зримее представлялись житейские невзгоды, мели и рифы. В моем присутствии тебе есть от чего оттолкнуться. Ну

не говорить же в очередной раз, что «я с тобой готов был пойти в разведку»! Ты же спросишь: в какую именно из мировых разведок ты готов со мной пойти?»

Вся наша жизнь лет до двадцати – есть разведывание, осознание. Поиск места, где можно себя применить. Мы, пожалуй, не были исключением. Юность – спецназ счастья. Мы были его тайными агентами до тех пор, пока нас не уволили, хорошо хоть не списали. Но не так уж многого в результате я добился в жизни, кое-что из того, что я вспоминаю, дал мне он. Как же мало он мне дал! До чего же он, двадцатилетний юноша, оказался жаден, прижимист и осторожен. Не до такой степени осторожен, как я, но тоже изрядно. Впрочем, возможно, это я должен был помочь ему, прикрыть его, дать знак, отвлечь огонь на себя. И не смог преодолеть амбиции, желание быть самым главным, лучшим, красивым, могучим, великим и ужасным. «Самым хорошим из всех плохих».

И дал он мне, если подумать, много. Он был моим добрым ангелом. Подарком, о котором я даже не мечтал, и который, по сути, не заметил, толком не разглядел. Вестником судьбы или самой судьбой? Скорее всего, этого мы так и не узнаем.

– Ты утверждаешь, что знаешь, как жить, и мне хочется в это верить. Хотя бы кто-нибудь знает, как именно надо, – сказал я ему в тот раз на прощанье.

Мы расстались, договорившись встретиться в ближайшее время, с тем, чтобы я все как следует обдумал. Я и в самом деле, думал только об этом, поэтому на работе был рассеян,

мне сделали замечание, благо «мальчику в вестибюле» это мог себе позволить каждый.

Нельзя сказать, что я отдыхал душой дома, в арендованной квартире, в окружении арендованных роботов. Там была идеальная чистота благодаря Даше, и, всегда ждал меня завтрак, благодаря Паше, который никогда не выходил из-за плиты – не мог, ему не приделали ноги – повару это не обязательно. Если подумать – жутковато: человек, вмонтированный в кухонную плиту...

Кое-как я дождался момента, чтобы поехать на встречу к старому другу. Впрочем, другу ли? Тот ли это человек, с которым мы познакомились на подготовительном отделении университета? Прошрое – может, это какой-то хитрый обман? Он даже не попросил у меня денег. Что ему тогда нужно? Реальна ли эта переброска в прошлое или это что-то наподобие тех снов, которые я видел во время операции и раньше...

– Что ты возьмешь с собой? – спросил Дмитрий во время второй нашей встречи, когда я назвал ему год и место, в которое я хочу попасть. Он поигрывал пультом управления от моего пассажирского коптера, который я положил на уже знакомый журнальный столик, сам он так и не освоил никакое транспортное средство. Мы сидели с ним на трехсотом, застекленном этаже небоскреба, через прозрачную стену-окно был виден простирающийся до самого горизонта лес таких же сверкающих вытянутых вверх зданий замысловатых

форм.

– Мешок с бумажными деньгами, – ответил я, равнодушно пожав плечами и щурясь от отблесков солнца. – Дадут?

– Этим я тебя обеспечу. Один отправишься? – допытывался он.

Когда-то давным-давно мы с ним говорили о девицах. Тогда мне казалось, что девушки – это что-то воздушное. Одна из них была к нему неравнодушна, и не она одна. Но он был такой высокий и кучерявый, и она, та, о которой я вспоминаю, боялась, смущалась, не верила в свои силы. Но у него был друг, то есть я. Вот она и залезла ко мне в постель. Это было, с ее точки зрения, не позорно – залезть в постель к молодому человеку, который дружит с самим Кончеевым! Потом мы поженились, и она родила детей, о которых мне пришлось заботиться. Наверное, его можно назвать их крестным.

– Никто не знает про то, что мы с тобой затеяли. Я никому ничего не сказал, – ответил я, отгоняя воспоминания. – У меня только два пожелания, чтобы это был Старый свет, желательно старушка Европа и чтобы оказаться на берегу озера. А что касается компании, то тебя я, конечно, приглашаю. Тебя и твою женушку, как она?

– На Луне. Там тоже омолаживают. И я собираюсь туда отправиться, но пока не могу. Дела, – ответил он и посоветовал:

– Подумай насчет попутчиков. В одиночку будет трудно.

– Что тут думать! Может, взять с собой двух домашних слуг? – воскликнул я. – Один из них – кухонный, сделан в половину. Представь себе, если там его увидят – полчеловека!

– В нижней части можно разместить дополнительные аккумуляторы, до мало ли чего! – деловито предложил он в ответ на эту мою нервную шутку.

– Ты ведь меня не в каменный век отправишь, а в цивилизованную страну. Там же есть электричество, – возразил я. – У меня нет ни желания, ни душевных сил заниматься этими роботами.

– О чем ты говоришь, – Дима пожал плечами, положил ногу на ногу, высокий худой, по виду двадцатилетний, – стоит только сделать заказ, тебе все быстро исполнят.

– Без предоплаты? – засомневался я. Мне опять показалось, что меня обманывают и вместо реального прошлого хотят отправить в иллюзорное, созданное чьей-то или моей собственной фантазией.

– Конечно, – заверил он, – а потом ты уже будешь вне пределов досягаемости кредиторов.

– Если ты что-то посоветуешь, – неуверенно уступил я, – можно сделать ему апгрейт. Я заплачу...

– Приделать ноги с мощными аккумуляторами и лазерную пушку в глаз, – предложил Дима. – Насчет денег не беспокойся, просто, слушай меня внимательно: даешь задание самим киборгам с параметрами апгрейда. Они сами связы-

ваются с фирмой-поставщиком, и все выполняется за пару дней.

– Вот как! Просто дать задание киборгам? А зачем лазер? – спросил я настораживаясь. Он помолчал, подумал, потом пояснил:

– В принципе местные жители в том месте, которое ты выбрал – центр Европы, альпийская республика – безопасны. Но, во-первых, скачок привлекает «соседей». Во-вторых, он вызывает разные природные возмущения. Подробно рассказать, как все происходит, отъезжающие, путешественники, как правило, не могут, – в основном они хотят попасть подальше, это ты почему-то решил в 1975-й. На это не требуется много энергии, мы все сделаем под видом плановой диагностики системы. Но был такой случай, однажды выбрали для размещения портала тихий пустырь, а это оказалось кладбище. Так вот всплеск электромагнитной активности – заставил ненадолго ожить покойников. Ну и, наконец, может, ты захочешь поехать по миру, побывать в Африке, на Амазонке, на Тибете? В семидесятые это было прикольно.

– Мне кажется, это какие-то байки, – предположил я не в силах во все это поверить.

В моей голове не укладывалось все это: ни то, что я дожил до столь преклонных лет, ни то, что меня омолодили, ни то, что я разговариваю с другом юности. Ездить никуда я не собирался, потому что, куда бы я ни приезжал прежде, мне всегда хотелось там остаться и никуда больше не уезжать.

Мы помолчали.

– А 1975-й выбрал потому, что в то время мне было пятнадцать, – пояснил я после паузы.

– Как сейчас? – спросил он, окидывая меня взглядом улыбающихся глаз из-под бровей домиком. – Я не пойму, почему ты решил омолодиться до такого состояния?

– До такого юного вида? Я ничего не решал, меня просто омолодили по максимуму, – ответил я.

– Сколько клонов ты использовал? – спросил он.

– Всего два, третий, запасной остался, – ответил я. – Он теперь живет у меня.

– Ну, вот и возьми его с собой за компанию – этого клонна, – посоветовал он.

– Шутишь? – спросил я – На черта он мне нужен?

– А что? – настаивал он. – Он же может нести еще один рюкзак с деньгами!

– Деньги, деньги! Я вообще думал отправиться туда безо всего, устроиться работать в каком-нибудь гараже, – признался я. – И прожить еще одну тихую незаметную жизнь. Такую же незаметную, как была, просто другую. Более спокойную. Уже никуда не рваться, ни к чему не стремиться.

– Ну, если есть возможность получить эти бумажки, надо ею воспользоваться, – возразил он. – Я тебе напечатаю на 3D-принтере кубометр бумажных денег.

– Меня там не «застукают» как фальшивомонетчика? – засомневался я.

– Валюта и документы – лучше настоящих, – уверил он меня. – У меня есть специальный помощник – искусственный интеллект, владеющий архивом всех бумажных денег, которые только известны истории. По сути дела это настоящий научно-исследовательский институт. Он постоянно расширяет свой банк данных.... Ну конечно, следует быть осторожнее, не класть все в одно финансовое учреждение. Не попадать в полицию. И со временем поменять купюры и паспорта на настоящие.

Я собрался с духом и спросил его начистоту:

– Это прошлое, куда ты собираешься меня отправить, какое оно?

– В каком смысле? – уточнил он.

– Это наше с тобой прошлое, или какая-то альтернативная реальность, или просто иллюзия? – настаивал я.

– Наше прошлое, – спокойно и уверенно ответил он. – Там где-то живем мы с тобой. Но ты не сможешь встретиться с... тобой вторым. Ты же не помнишь такой встречи, значит, ее не было. А если ты захочешь ее организовать, что-то тебе неизбежно помешает. Хорошо, что ты выбрал место за полторы тысячи километров от своего дома.

– «Не помнишь», – от этих его слов меня просто передернуло. – У меня не самая хорошая память и я многое чего забыл. И еще эти виртуальные путешествия...

– На этот раз путешествие будет реальным, я тебе обещаю, – заверил он.

– Но при этом отправиться назад и изменить всеобщую историю нельзя? – уточнил я.

– Конечно, нет, – ответил он. – Все, что было, то и будет. Будущее, из которого люди бегут в прошлое – само становится как бы их прошлым, к которому им уже не хочется возвращаться. Всем свойственно жить сегодняшним днем. К тому же, этот «сегодняшний день» в прошлом, с учетом знаний из будущего, может получиться очень даже неплохим. Такой пример: я отправил группу спортсменов на гору Олимп в Греции. Догадываешься кем они там стали?

...Еще через несколько дней, когда моего работа подновили и отладили для путешествия, я попросил у себя на фабрике первый короткий отпуск, снял для виду дачу, на которую даже не посмотрел. А вместо этого приехал в огромный ангар, готовясь к переброске.

Мы обнялись с Димой на прощанье, но ни у него, ни у меня не появилось на глазах сентиментальных слез. Хотя мы были знакомы около семидесяти лет и являлись по паспорту глубокими стариками, но после омоложения физиология делает свое – все, что с нами происходило, мы воспринимали по-юношески, это казалось многообещающим приключением.

– Может быть, все-таки со мной за компанию? – спросил я. Он покачал головой и сказал напоследок:

– Если что-то потребуется, сделай объявление в самой крупной газете этой страны со словом «Марсан», это твоя

новая фамилия. Она издавалась на бумаге до 2005 года и все номера оцифрованы. Я попробую отправить тебе помощь с оказией.

Больше он ничего не сказал, занятый управлением сложным, многослойным, квантовым и электромагнитным диском, который должен был перенести нас в неведомое и немного пугающее прошлое.

Мы втроем: киборг в виде женщины, мой клон и я стояли в огромном зале, рядом с нами в старомодном инвалидном кресле на колесиках сидел киборг мужского облика, с уже приделанными ногами. Десантироваться предстояло в горной местности. Нас одели по моде середины семидесятых годов XX века. Меня и клона нарядили в светло-голубые джинсовые костюмы с расклешенными брюками, цветастые рубашки с большущим воротником, у него – зеленоватая, у меня – красноватая, на ногах у нас были кожаные малиновые туфли на небольшой платформе. На женщине был надет тоже голубой, хотя и не джинсовый костюм, голубое летнее пальто и розовая шляпка с голубой лентой, на ногах красовались розовые ботинки из мягкой замши. Киборга мы облачили в коричневую кожаную куртку, наподобие летной, тирольскую шляпу и брюки цвета хаки, на ногах у него были туристские ботинки.

При всем старании я не смог бы понять, когда закончилась реальность и началось иное – если меня все-таки обманывают мои ощущения, как случалось не раз, и я неправильно

оцениваю происходящее. В какой-то момент все залило ярким, но совершенно не слепящим светом, а когда он погас, мы оказались на пологом склоне горы. Было ранее утро.

– Я ничего не почувствовал, – сказал я, нервно облизнув губы и глубоко вздохнув. – Абсолютно ничего, ну, может, легкое головокружение... Пойдемте вниз.

Мы троим: я, мой клон, и киборг женского вида – зашагали по травянистому склону, неся на спинах неброские туристические рюкзаки и толкая кресло с киборгом мужского облика, к которому тоже был прицеплен вместительный рюкзак. Как же давно я не ходил по настоящей траве!

– Жанна, Поль, теперь вы люди, – напомнил я моим спутникам, отныне Паша и Даша должны были отзывать на эти имена, так как мы попали во франкоговорящий регион. – О том, что вы представляете собой на самом деле, – никому ни слова. Если нас с вами разоблачат, вам придется самоуничтожиться. Что касается клона, то его решено назвать Жан-Пьером, хотя мне больше нравилось имя Жан-Поль.

– Можешь не беспокоиться, – ответила Жанна с улыбкой, она постоянно улыбалась, как и все слуги-киборги. – Мы тебя не подведем.

Вскоре мы попали на тропинку и пошли по ней. Шагая, достигли места, где она проходила через лес. Добрались до какой-то развилки, в этом месте я решил пойти по той дороге, которая шла ниже, мы ведь направлялись к озеру, берег которого я выбрал в качестве места новой жизни. Пока

его еще не было видно. Лес понемногу закончился, началось поле. Вскоре показались какие-то небольшие домики, один больше похожий на веранду, а другой по виду жилой. Когда мы, не торопясь, проходили мимо него, нам наперерез вышла взволнованная женщина:

– Bonjour!¹ – громко поздоровалась она. – Вы не видели летающую тарелку?

Жанна и Поль вопросительно посмотрели на меня, я все понял и громко ответил на том же языке:

– Да, она пролетела прямо над нами. Мы перепугались и решили закончить нашу прогулку. Это называется «вышли подышать воздухом в горы».

Женщина подошла к нам. Я немного напрягся – не почувствует ли местная жительница в нас чужаков?

– Мне рассказывали, что такое бывает, но я никогда не думала, что увижу это, – сказала она, приложив руку к груди.

Светлые волосы, лет сорока пяти на вид, она была в серой кофточке, косынке и синей юбке. Посмотрев на киборга, сидящего в кресле на колесах, она спросила его:

– Вам не тяжело было подниматься в гору? – женщина, улыбнувшись, дотронулась до рукава его кожаной куртки.

– Мне не тяжело, – ответил он, – тяжело тем, кто меня толкает.

Она рассмеялась, и он тоже изобразил смех, получилось довольно-таки неплохо.

¹ Здравствуйте! Фр.

– Вы не теряете присутствия духа, – сказала она.

– Папа никогда его не теряет, – пояснил я, прислушиваясь к звукам своего голоса и оценивая модуляции. – Он ведь воевал.

Женщина посмотрела на нас с клоном и, всплеснув руками, произнесла:

– Как вы похожи!

Обратившись к Жанне, она сказала:

– У вас чудесные мальчишки.

Жанна вопросительно посмотрела на меня, и я предложил:

– Мы пойдем, всего доброго. И посматривайте по сторонам, как бы чего не вылетело. Впрочем, это, скорее всего, оптические иллюзии в атмосфере.

Чем ниже мы спускались, тем больше домиков встречалось на нашем пути. Иногда дорожка опять раздваивалась, но мы всегда шли по нисходящей и никогда не ошиблись.

Показалось еще поле, за ним несколько домов, что-то вроде поселка, затем – опять поле и, наконец, вдали показалась водная гладь, а за нею – туманные горы. Постепенно мы дошли до большой двухполосной дороги. Мне было приятно шагать по земле, ощущая на своих щеках свежий ветер, но интересно, каково роботам:

– Жанна, как твои аккумуляторы? – спросил я.

– С энергией все в порядке, но я не предназначена для длительных прогулок, – ответила она. – Я ведь домашний

киборг. Если что-то выйдет из строя, будет неприятно. На сколько я понимаю, починка здесь затруднительна. Я не смогу больше быть тебе полезна.

– Извини, – сказал я. – Садись к папе на колени.

Она уселась к Полю, и мы с моим послушным клоном покатали кресло дальше.

Вскоре с нами поравнялся небольшой грузовик. Приветливый водитель, мужчина лет тридцати пяти, в берете и синем комбинезоне, остановился и предложил подвести нас. Мы долго усаживались в кузов, возились с инвалидным креслом, но, как бы то ни было, когда машина тронулась, мы минут через пятнадцать оказались на самом берегу широкого озера.

Мы вышли из машины, едва не оставив водителю на память один из наших рюкзаков. Походив туда-сюда, наткнулись на гостиницу под названием «Красивый берег» и решили там остановиться в двухкомнатном номере с видом на озеро...

На следующее утро я познакомился с милой горничной, которую звали Маргарет Ходель. Это была довольно-таки высокая, белокурая девушка со светлыми-пресветлыми глазами неопределенного оттенка. Пока еще стройная как тростинка, но я подумал: «Очень скоро она может сделаться эдакой богатыршей Кримхильдой по виду». Хотя, что значит «очень скоро»? Лет через двадцать-тридцать. И пора бы мне учиться отключать мою стариковскую, инертную мудрость.

Она все время беспокоилась: насколько удобно нам, имея в виду моего неразговорчивого «братца» и обезноженного «отца». Оказалось, что ей нет еще восемнадцати лет, но она работала после школы в отеле, которым управлял ее дядя. Ее брат, как выяснилось, служит в полиции.

– Можно называть тебя Гретхен? – спросил я ее и тут же почувствовал, что девушка словно бы смутилась. – Ну, если тебе не нравится, то не буду.

– Мне нравилось раньше, – пояснила она. – Так называл меня дедушка. Но он умер... больше десяти лет тому назад.

Маргарет замаялась, посмотрела на управляющего.

– Двенадцать лет прошло, – пояснил тот. – Ты очень плакала.

– Сколько же ему было? – спросил я.

– Восемьдесят... два? – она опять посмотрела на управляющего.

– Восемьдесят четыре, – уточнил он. – А сейчас ему бы исполнилось девяносто семь. Он тысяча восемьсот семьдесят восьмого года рождения.

«Примерно, как и мне», – подумал я и предположил:

– А звали его Генрих...

– Откуда ты знаешь? – удивилась она, даже перестала протирать пивные кружки и внимательно посмотрела на меня.

– Это не трудно, Гретхен, – ответил я, разглядывая ее.

Она, глядя на меня, поправила свою прическу, ее волосы до плеч, то ли подвитые, то ли выющиеся от природы бы-

ли наполовину распушены и частично стянуты резинкой на затылке. Кажется, у нас это называлось «мальвинка»? Интересно узнать, как у них?

Потом я велел Полю поговорить с администратором гостиницы, чтобы тот посоветовал нам какую-нибудь виллу. Решать все вопросы самому мне не хотелось, чтобы не вызывать у людей подозрений: что за странное семейство, всем заправляет подросток!

Управляющий ничего другого не смог предложить, кроме как посмотреть объявления в газете. И тут выяснилось, что, хотя я и понимаю на слух все европейские языки, но с чтением у меня оказались проблемы: для того, чтобы осознать написанное, приходилось читать и проговаривать по несколько раз. Экономные китайцы не загрузили в мою память письменную грамматику, только звуки. К счастью, Поль и Жанна читали прекрасно. Они выбрали несколько адресов, и я стал сначала ходить, а потом, купив в спортивном магазине велосипед, ездить по окрестностям. Маргарет любезно согласилась мне иногда помогать.

Обычно мы с нею договаривались, куда поедем, созванивались с хозяевами, ехали на велосипедах или на автобусе, осматривали жилье. Все дома были неплохие. Ей понравился сам процесс: мы заходили внутрь, обходили комнаты, садились на диваны и кресла. Наверное, поэтому выбор жилья затянулся.

Несколько дней спустя, уже осмотрев два дома и катаясь

по набережной, мы вместе с нею подъехали к очень недорого сдававшейся вилле в соседней коммуне, совсем неподалеку от яхтклуба.

Это был какой-то кондоминимум – несколько вилл за общим забором. Мы взяли ключ у хозяина соседней виллы. Загорелый мужчина лет пятидесяти посмотрел на нас подозрительно, но Маргарет пояснила, что мой отец инвалид, мать занята с больным братом, и поэтому выбрать виллу поручили мне – «подростку».

Мы открыли большую застекленную дубовую дверь. Вилла представляла собой что-то вроде замка с невысокой башней, одна ее стена бала увита плющом.

– Как здесь шикарно, – восторженно прошептала Маргарет, входя в просторный полутемный вестибюль. Я включил свет и тоже залюбовался интерьерами. На второй этаж вела большая мраморная лестница. Справа от нее на резном дубовом панно были прихотливо развешены похожие на старинные мечи и сабли, щиты, стояли рыцарские доспехи. А слева располагался большой камин с висящими рядом с ним, справа и слева, под самым потолком портретами, мужским и женским. Точнее на правом портрете была изображена девочка в белой блузке и с большим белым бантом в волосах. Мы обошли комнаты, залы, дошли до спальни на втором этаже. Я откинул одеяло и прилег, проверяя мягкость кровати.

– По размеру раза в три больше того, что мы видели раньше, а по цене – то же самое! – сказал я, уже предполагая, что

вполне можно остановиться на этом варианте.

Маргарет тоже захотелось полежать в огромной, поистине королевской кровати под балдахинном:

– Я никогда раньше не видела такой постели, – призналась она.

– Она в твоём распоряжении, – сказал я.

Девушка скинула туфли и залезла под одеяло:

– Как хорошо, – сказала она, свернувшись калачиком на противоположном от меня конце большой кровати, и прикрывая глаза. Поскольку мы довольно долго ездили на велосипедах, и был уже поздний час, она, уставшая после работы, вскоре, разомлев в спокойной тишине, задремала.

Решив, что по Маргарет можно, как по кошечке, судить о качестве жилья, я тихонько спустился вниз, где заметил большой белый телефон, и, позвонив в нашу гостиницу, сказал, что нашел виллу, которую собираюсь арендовать...

Глава 2. Она

Никогда в жизни я так крепко не спала. Когда я проснулась, солнце уже встало, но я совершенно не понимала: где я?

– Привет, соня, – сказал Жанна, когда я, плохо соображая, спустилась вниз и зашла в кухню.

Она была в шикарном розовом, длинном, до самого пола шелковом халате. Эта красавица-аристократка очень мила, улыбчива, приветлива, но я – сама не знаю почему – очень боюсь ее. У меня просто все внутри холодеет от нее и ее инвалида-мужа. Он всегда сидел на террасе у озера, прикрыв глаза и как бы посапывая, но я была почти уверена, что он только делает вид, что дремлет, старый шпион, а сам зыркает своим глазом из-под насупленных бровей. Они часто болтали с дядей про войну, у них были две основные темы для разговоров: война и готовка, и непонятно, что из этого он любил делать больше: убивать или стряпать.

Оказалось, что на часах всего полшестого утра, а Жанна была свежая, словно не спала вовсе. Она сделала мне кофе, потом осмотрела меня – моя одежда немного помялась в кровати, и она деловито предложила мне, пока я пью кофе, погладить рубашку и юбку:

– А знаешь, я тебе подарю трусики. Какой у тебя раз-

мер? – предложила она, подняв палец, словно для нее это была грандиозная, сногсшибательная идея.

Жорж и его брат еще спали. Как оказалось, Марсаны переехали, связавшись с риэлтором и вызвав такси, вскоре после того, как я заснула в этой проклятой кровати под балдахинном.

– Спасибо, не надо, – попыталась я отказаться, но она меня обезоружила, сообщив с милой гримаской:

– Они мне маловаты, а тебе будут в самый раз.

Она принесла мне халат и заставила переодеться. Вскоре проснулся и вышел из своей комнаты чуткий Жорж. Он, в отличие от своей матери, был сонный, помятый, но такой же веселый, как она, рот до ушей.

– Выши дети почему-то совершенно на вас не похожи, – заметила я. Мне давно хотелось сказать ей какую-нибудь гадость, но я все не решалась.

– Это лицом, но у нас похожи руки, ноги, иногда так бывает, – возразила она.

«Что за глупость, – подумала я, – руки-ноги у всех примерно одинаковы. Она что имеет в виду, что у них тоже по пять пальцев? Сравнивают всегда лица!»

– ...Кроме того мальчики – один к одному мой отец, их дедушка, – сказала Жанна. – Как-нибудь я покажу тебе его фотографию.

– Извини, что я заснула, – сказала я Жоржу, когда он, умывшись, вернулся к нам.

Он довольно милый парнишка, но, кажется, немного инфантильный. Скорее всего, парни из нашей школы, окажись они на его месте, воспользовались бы ситуацией.

– Ты ведь заснула в постели, чего же извиняться, – ответил он, пробуя кофе. – Постели для того и существуют. Если бы ты заснула на улице – вот тогда другое дело.

– Но я привыкла спать в своей постели! – возразила я.

– Значит, теперь это будет твоя постель, – предложил Жорж.

– Что ты имеешь в виду? – строго переспросила я, хотя догадаться было нетрудно.

– Я не могу предложить тебе свою руку, – сказал Жорж очень серьезно, и, глядя мне прямо в глаза, – поскольку я несовершеннолетний. И ты кажется еще тоже? Но я могу предложить тебе свою дружбу. Мы ведь можем дружить?

Говоря это, он поглядывал то на меня, то на свою красавицу-мать, так, словно бы не мог на нее налюбоваться, или словно увидел в первый раз, и та поощрительно ему улыбалась и бодро кивала. Она вообще была очень подвижна, словно актриса или героиня какого-то мультфильма. Мне, конечно, хотелось бы продолжить с ним интересный разговор, но лучше без этой чудной мамыши. Впрочем, формально к ней совершенно нельзя было придрататься, она погладила мне блузку, юбку, подарила совсем новые трусики.

Я позвонила домой, своей маме, рассказала, где я, и потом поехала на велосипеде в школу. Занятия в этом году скоро

должны были закончиться, предстояли летние каникулы, во время которых мне чуть полегче – в последние три года с тех пор как дядя пригласил меня ему помогать, я работаю в две смены: одна в школе на занятиях, другая в гостинице.

Конечно, я рассказала об этом своем приключении моим подругам Мари и Кэти. Конечно, они были уверены, что я специально все подстроила, особенно Мари, так что мы с ней не на шутку поссорились.

Зато дядя Элоиз, который за пару дней немного узнал Жоржа и остальных Марсанов, только пожал плечами:

– За твою задницу я спокоен, – сказал он. – С ней ничего не случится. Вот если бы на твоём месте была какая-нибудь принцесса... или дочь директора фабрики. Такие люди ищут себе друзей из своего круга.

– Вообще-то Жорж прямо так и сказал мне: давай дружить, – возразила я, но дядя в ответ на это только пожал плечами.

Что такое принцесса, я представляла себе смутно, но про «дочь директора фабрики» мне ничего не нужно было объяснять: мои родители работали на нашей шоколадной фабрике, и, насколько я знаю, у директора не было никакой дочери.

– Они что, богачи? – спросила я. – Вроде по виду не скажешь. Остановились в нашей гостинице.

– Во-первых, у нас не самая дешевая гостиница, – поправил дядя. – Во-вторых, видела бы, как они расплачивались,

и сколько оставили на чай. Я за десять лет, пока тут работаю, посмотрелся на людей и мне кажется, что эти Марсаны такие, каких мы еще не видели... В смысле, богачи.

– Может, мы им понравились и поэтому они оставили побольше на чай? – предположила я, но он только махнул рукой:

– Они вообще не считают денег!

Мама, когда я вернулась домой, тоже долго расспрашивала про моих новых знакомых, но её насторожило то, что я участвовала в их переселении на виллу.

– Там полгода назад у хозяев случилось несчастье. Дочка погибла как-то странно, – сказала она. – С тех пор они перестали туда приезжать, живут теперь в городе. Об этом писали газеты, по телевизору был сюжет. Ты что, не помнишь?

– Вилла дешево сдавалась, – пояснила я. Этот случай мне почему-то не запомнился, хотя, когда мама мне его напомнила, всплыло в памяти, как девчонки в школе обсуждали эту жуткую историю.

– Потому и дешево, – настаивала мама.

Наш дом располагается вдали от берега, на горе, и по размеру был в пять раз меньше виллы, в которой мне удалось побывать. Странно, что я заснула там без задних ног. Если бы я не забыла эту историю, я бы предупредила Жоржа. Впрочем, люди умирают везде – и в шикарных хоромашах, и в скромных домиках. Лучше быть бедным, но живым и здоровым, чем богатым покойником или калекой, как эти Мар-

саны, отец и сын...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.